

МИШЕЛЬ ЛАЙОНС

TRUE CRIME

TRUE CRIME

TRUE CRIME

TRUE CRIME

МИШЕЛЬ ЛАЙОНС

TRUE CRIME

TRUE CRIME

TRUE CRIME

TRUE CRIME

КАМЕРА СМЕРТНИКОВ



**Издательство АСТ
МОСКВА**

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Л18

Серия «True Crime»

Michelle Lyons

DEATH ROW: THE FINAL MINUTES
MY LIFE AS AN EXECUTION WITNESS IN
AMERICA'S MOST INFAMOUS PRISON

Перевод с английского *Е. Корягиной*

Серийное оформление и дизайн обложки *И. Озерова*

Печатается с разрешения David Luxton Associates Ltd.
и The Van Lear Agency LLC.

Лайонс, Мишель.

Л18 Камера смертников. Последние минуты : [роман] / Мишель Лайонс ; [перевод с английского Е. Корягиной]. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 256 с. — (True Crime).

ISBN 978-5-17-112858-6

Техас — один из штатов, где высшей мерой наказания по-прежнему остается смертная казнь. И Мишель Лайонс по долгу службы приходилось общаться с сотнями приговоренных к смерти. Это были обычные люди, совершившие бытовые убийства, и маньяки-психопаты, и насильники, и чересчур далеко зашедшие однажды «домашние тираны»...

Как они жили в ожидании неминуемой гибели? Как проводили последние часы? Почему одни искренне раскаивались в содеянном, а другие оставались монстрами до последней секунды?

Мишель Лайонс поделится случаями из личной практики. Теми историями, что заставят задуматься, вершит ли общество правосудие, предавая смерти убийцу? Справедливо ли казнить за преступление, совершенное в юности, того, кто за годы тюремного заключения стал действительно другим человеком? И можно ли оставлять в живых чудовище, убивавшее просто ради извращенного удовольствия?..

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

© Michelle Lyons, 2018
Школа перевода В. Баканова, 2019
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2019

ISBN 978-5-17-112858-6

Содержание

Предисловие автора	8
Пролог. ЕДИНСТВЕННАЯ СЛЕЗИНКА.....	9
Глава 1. ОТХОД КО СНУ.....	13
Глава 2. ПРОСТО РАБОТА	21
Глава 3. НА РАЗВИЛКЕ	53
Глава 4. ЭТО ЖЕ ЛАРРИ!	77
Глава 5. ПРАЗДНИК — НАВСЕГДА.....	94
Глава 6. СТРАННОВАТЫЙ ТИП	112
Глава 7. ПОСМОТРИТЕ ПОЛУЧШЕ.....	131
Глава 8. БЫТЬ МОЖЕТ, БОЛЬ ПРЕКРАТИТСЯ. ...	139
Глава 9. СТРАШНОЕ МЕСТО.....	155
Глава 10. ЧУТЬ МРАЧНЕЕ	172
Глава 11. УКРАДЕННОЕ ВРЕМЯ.....	185
Глава 12. ВСЕ ВЫВАЛИЛОСЬ.....	205
Глава 13. И ДРУГИЕ СКОРБЯТ.....	226
Глава 14. ДЕНЬ, ПРОЖИТЫЙ ДАРОМ.....	240
Эпилог. ПОМНИТЬ О СВОЕЙ РАБОТЕ?	246
Выражение признательности.....	252

*Маме, папе и брату — за то, что
сделали меня такой, какая я есть.*

*Моей дочери — за то, что помог-
ла понять, кем я хочу быть.*

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Книга эта по большей части о том времени, когда моя работа — сначала в качестве журналистки, затем пресс-представителя — была связана с техасским Департаментом уголовного судопроизводства; я не написала бы ее без моего дорогого друга и бывшего коллеги Ларри Фицджеральда, чьи мысли я тут часто привожу. Я должна также поблагодарить Эда Хэнкокса, снявшего о Ларри документальный фильм для Би-би-си («Человек, видевший 219 казней»). Моя книга родилась благодаря этому фильму. Интервью, любезно мне предоставленные Эдом Хэнкоксом, просто неоценимы. Всего мы с Ларри посетили почти 500 казней, многие из них вместе. Он был моим наставником и прекрасным человеком, он навсегда останется символом техасской тюремной системы. Это повествование не только мое; оно в такой же степени принадлежит и Ларри.

*Мишель Лайонс,
май 2018 года*

Пролог

ЕДИНСТВЕННАЯ СЛЕЗИНКА

Я не помню ни его имени, ни какое он совершил преступление, ни из какого округа Техаса он родом, однако черты его лица свежи в моей памяти, словно казнь была вчера. Чернокожий, среднего возраста, с гордо выступающим подбородком. Больше всего мне запомнилось его одиночество. Никаких родственников, никаких друзей — никакой поддержки. Может, он сам не хотел, чтобы они пришли, а может, они не пожелали, а скорее всего у него просто никого не осталось.

Со стороны жертвы тоже никто не присутствовал. По крайней мере, насколько мне помнится. Либо они боялись, либо не могли позволить себе такую поездку, а возможно, прошло так много времени, что никого не удалось найти.

Как бы то ни было, за тем, как он лежал и смотрел в потолок, пристегнутый к кушетке и с иглами в обеих руках, наблюдали только два репортера, включая меня, и сотрудник тюрьмы.

По сторонам он не смотрел. Да и зачем? Знакомых у него здесь не было. Только начальник тюрьмы, стоявший у изголовья, и священник, положивший руку ему на колено. Начальник шагнул вперед и спросил, не хочет ли он произнести по-

следнее слово, а человек на кушетке чуть заметно покачал головой, ничего не сказал и только заморгал. И тогда я увидела: в уголке правого глаза у него блестела слезинка. Слезинка, которую он отчаянно пытался сморгнуть. Она на миг задержалась — и скатилась по щеке. Эта слезинка тронула меня сильнее любых слов. Начальник дал сигнал, и раствор потек в вены; человек на кушетке кашлял, брызгал слюной, потом затих. Вошел врач, объявил, что приговоренный умер, и накрыл ему голову простыней.

Поскольку я хорошо помню лицо казненного, то, наверное, смогу, порывшись среди своих документов, найти его имя. Только я не хочу знать ни его имени, ни что и где он совершил. Это все неважно. Я помню казнь — и с меня довольно. Никогда больше я не увижу никого столь одинокого и всеми забытого.

Когда я присутствовала на казнях, в том числе и женщин, — сначала как репортер, потом как работник тюремной системы, — я не позволяла себе пускаться в самокопание. Глядя в свои старые записи, я вижу, что меня многое волновало. Однако я была молодая, самоуверенная, и все вокруг казалось белым или черным. Любые мрачные сомнения я мысленно складывала в чемодан и задвигала его в самый дальний уголок сознания. Начни я анализировать, что чувствую, наблюдая казни, или разбираться в оттенках переживаемых эмоций, разве смогла бы я месяц за месяцем, год за годом, вновь и вновь приходить в эту комнату? А если бы я разрыдалась? Или кто-то заметил бы страх в моих глазах? Я просто обязана была отключать

эмоции. Притупление чувств спасало меня и помогало работать дальше. Но в конце концов мой чемодан переполнился, — пришлось сесть на него и придавить крышку.

Лишь когда я ушла из тюремной системы, — посетив за одиннадцать лет не менее 280 казней, — задумалась всерьез о том, что мне довелось пережить.

Бывало, увижу пластиковый контейнер с фруктовым пуншем — и вспоминаю, что такие давали осужденным в день казни; или открываю пакетик чипсов — и вспоминаю запах комнаты смерти. Или какая-нибудь радиопередача напомнит о беседе, состоявшейся у меня с приговоренным за несколько часов до его казни. Я представляю себе того человека на кушетке с его единственной слезинкой или мать детоубийцы Рики Макгинна. Больная и старая, прикованная к инвалидному креслу, миссис Макгинн приехала на казнь сына в нарядном цветастом платье и в жемчугах. Когда Макгинну пришло время сказать последнее слово, она выбралась из кресла и прижала к стеклу морщинистые руки — хотела, чтобы сын непременно ее увидел, прежде чем заскользит в пустоту.

Маленькой девочкой, лежа ночью в постели, я порой плакала о своих близких, которые когда-нибудь умрут. До сих пор помню светло-зеленые стены моей спальни и звук телевизора на первом этаже. Я включала у себя радио, надеясь, что музыка прогонит мысли о смерти. Через открытую дверь я смотрела в освещенный коридор, и по лицу у меня текли слезы. Ни разу мне не пришлось в го-

лову спуститься и рассказать маме с папой о своих страхах — то была только моя тайна.

Утешала меня вот такая мысль: когда мы все умрем, встретимся на небесах. К чему бояться смерти любимых, если она не разлучит нас навсегда? Мы встретимся, это лишь вопрос времени.

С возрастом страх смерти трансформировался в боязнь забвения. В этом я виню свою первую школьную любовь. Мы расстались, когда я вместе с родителями переехала из Техаса в Иллинойс, а через несколько недель он уже встречался с другой девушкой. Я была подавлена. Видимо, я не такая уж особенная. Как можно так сильно меня любить — и так быстро забыть? Глупо, конечно, но это еще много лет выбивало меня из колеи. Всякий раз, расставаясь с людьми, я думала: «Хорошо ли я себя показала? Будут ли обо мне помнить?» Поэтому я хочу, чтобы после смерти меня кремировали, а мой прах развеяли. Ничего нет печальнее могилы, к которой никто не приходит. Зброшенной и никому не нужной — как тот человек, чье имя я не могу вспомнить.

Глава 1

ОТХОД КО СНУ

...ежели бы при мне изорвали в куски человека, это не было бы так отвратительно, как эта искусная и элегантная машина, посредством которой в одно мгновение убили сильного, свежего, здорового человека.

Лев Толстой о казни Франсуа Ришё,
6 апреля 1875 года

Это у меня была первая казнь, и я чувствовала себя совершенно нормально. Люди то и дело спрашивали, как я. Да все в порядке. Хотя на самом деле мне уже становилось не по себе: я, видимо, должна волноваться, а раз не волнуюсь, меня, наверное, сочтут бессердечной?

Дневник Мишель,
запись о казни Хавьера Круза,
1 октября 1998 года

Один заключенный мне сказал, что я приношу свет в отделение смертников. И не только он. Знаете, как много людей говорили мне, будто я излучаю свет? Недавно, во время поездки в Лондон, моя коллега сказала, что ей нравится со мной работать, потому что у меня «неподдельный энтузи-

азм». Многие говорят мне, что я увлекаюсь, как ребенок, что я энергична и всегда радуюсь. Отчасти это так. Я могу искренне восхищаться кубиками льда, веерами, жареной картошкой, светящимися игрушками, сувенирными чашками, да чем угодно, было бы оно яркое и блестящее. В настольных играх я достигла невиданного мастерства и никогда не поддаюсь детям. Мне нравятся «Мусорщик идет на охоту», детективные игры, квесты. Я позволяю всем думать, что такова моя сущность, поскольку не люблю разочаровывать людей — как бы ни разочаровывали меня другие люди или жизнь. Я собираю друзей за столом, угощаю коктейлями, развлекаю остротами и всякими историями, — ведь они привыкли получать от меня именно это. Я пускаюсь шутить, потому что мне неудобно, когда речь заходит о серьезном. И я до смешного самокритична, особенно если дело касается тем для меня болезненных. Однако наедине с собой я плачу гораздо чаще, чем люди могут представить.

Есть у меня внутри темный чуланчик — иногда эта тьма меня переполняет, заставляет отгородиться от всего мира. Именно так я себя теперь чувствую, — думаю о том, что довелось увидеть и услышать в камере смерти. И по лицу у меня текут слезы.

Родиться на острове Галвестон — не пустяк. В Техасе часто спрашивают: «Вы на Острове родились?» — подразумевая Галвестон. У меня даже есть наклейка на машине, указывающая, что я уроженка Галвестона. Мой брат родился на материке, и я люблю говорить, что ему по этой причине до меня далеко.

Галвестон — дивное место для ребенка. По-своему очень спокойное. Летом я трудилась в сувенирной лавочке, а мои друзья подрабатывали спасателями или торговали гамбургерами.

Мы жили на идущем вдоль дамбы бульваре, в квартире с видом на пляж, а еще у нас был домик в горах — его выстроил из чего попало мой отец вместе со своим отцом и братьями. Электричества там не было, а была дровяная печь и здоровенная цистерна для дождевой воды. Домик стоял в глуши, и там обитали скорпионы, змеи и разнообразные букашки. Для развлечения имелся только большой радиоприемник, который работал круглые сутки, играя кантри. Мне было там очень хорошо и спокойно — свернусь калачиком в постели и слушаю, как внизу взрослые режутся в карты, разговаривают, смеются, и тихонько играет радио.

Мой отец начинал работу журналистом в городе Галвестон, — там он и познакомился с мамой. Он был молодой и лихой полицейский репортер, а она — молоденькая хорошенькая служащая полицейского отделения. Помню, как он возвращался домой из редакции «Галвестон дейли ньюс», и я его обнимала, вдыхая отрадный запах газетной краски. Я и теперь люблю этот запах.

Когда мне было шестнадцать, мы переехали в Иллинойс: отец получил там место издателя «Бентон ивнинг ньюс». Бентон — небольшой городок с населением меньше десяти тысяч, успешный, однако, снискать злую славу. Незадолго до нашего переезда в городе с особой жестокостью была убита семья Дардин — четыре человека. Отца обнаружили мертвым среди поля с собственными